

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

УСТОЙЧИВЫЕ СЛУХИ в ОБЩЕСТВЕ

как ПРОЯВЛЕНИЕ «КОЛЛЕКТИВНОГО ВООБРАЖАЕМОГО»

Всеобщая история. Современные исследования

Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 11. Брянск, 2002.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения ©

Концепт «коллективное воображаемое» (или «социально-воображаемое») был введен в гуманитарное знание сравнительно недавно. Однако несколько созданных в конце XX века специальных исследований, где это понятие используется в качестве ключевого, показывают, что оно открывает новые возможности для нетрадиционной интерпретации исторического материала¹. Следует отметить, что в отличие от традиционного подхода, в современных исследованиях о коллективном воображаемом речь идет не о том, чтобы уловить некую специфическую психологическую «способность» человека или группы.

Коллективное воображаемое рассматривается как один из аспектов социальной жизни, который не только проявляет реальность, но, имея скрытую, не всегда осознаваемую власть над людьми, непосредственно участвует в формировании этой реальности. Иными словами, коллективное воображаемое - это система идей-образов, через которую та или иная общность «обозначает свою идентичность, вырабатывает представления о себе; фиксирует и отличает распределение ролей и социальных позиций, выражает и навязывает некие общие представления или верования»².

Благодаря своей символической природе «социальное воображаемое» присутствует в различных проявлениях коллективной жизни. В частности, по наблюдению Б.Бачко, «когда коллектив чувствует внешнюю агрессию, он берет на вооружение весь арсенал коллективного воображаемого, чтобы мобилизовать энергию своих членов, объединить и направить их действия»³. Автор текста использовала это понятие в специальном монографическом исследовании открытого народного протеста во Франции в последнее столетие Старого порядка⁴. Данная статья представляет собой переработанный фрагмент этого исследования. Цель ее в том, чтобы в условиях парадигматических мутаций гуманитарного знания, которые, по удачному выражению Б.Бачко, можно сравнить с «взорвавшимся полем классической науки», снова привлечь внимание специалистов к этому концепту, показав его возможности при работе с конкретным историческим материалом.

В нормальных условиях слухи не заменяют официальные новости, а живут рядом с ними, не нарушая порога между вероятным и невероятным. Но в особых случаях невероятное неожиданно воспринимается массой людей как до такой степени правдоподобное, что провоцирует волнения, дестабилизирующие существующий порядок. Во Франции XVII - XVIII веков такие ситуации возникали довольно часто. Значительно чаще, чем в современной развитой стране. Прежде всего, это связано со спецификой существовавшей в то время системы коммуникаций. Для того чтобы новость из Парижа достигла Орлеана, требовалось два часа, до Лиона она шла два дня, до Тулузы и Марселя - четыре. Имел значение и преимущественно устный характер такой коммуникации. Эти обстоятельства открывали широкие возможности для игры воображения, в результате которой новость, обрастая массой неправдоподобных деталей, могла быть изменена настолько, что превращалась в опасный ропот, способный спровоцировать волнение или открытый протест⁵.

Хорошо известно, что слухи нередко были поводом для открытого протеста во Франции Старого порядка. Об этом постоянно сообщают в ходе разбирательств и репрессий свидетели, судейские, администраторы. Существенную роль играли слухи в механизме распространения волнений, особенно в критических ситуациях. [Ж.Лефевр справедливо писал, что Великий страх 1789 года, - это один «ложный слух»](#). Но к этой стороне связи слухов и бунтов мы возвращаться не будем. Попытаемся взглянуть на слух, провоцирующий бунт, как на компонент коллективного воображаемого, помогающий проникнуть в трудноуловимый мир ментальности протестующей толпы. С этой целью рассмотрим подробнее некоторые конкретные устойчивые слухи, игравшие существенную роль в оспаривании интересующего нас периода. Речь пойдет об «убеждении в голодном заговоре», о рецидивных и весьма экзотических для современного человека слухах о том, что забирают детей в колонии, и о мифах, возникающих в массовом сознании в связи с фиском.

Слухи о «голодном заговоре», периодически появлявшиеся на протяжении всего XVIII века были постоянными спутниками продовольственных движений. Постепенно они трансформировались в устойчивую легенду. С.Каплан показал, что в кризисные годы (1725-1726, 1738-1741, 1747, 1751-1752, 1765-1770, 1770-1775) во всех слоях общества, от участников продовольственных волнений до аристократов, оставивших дневниковые записи об этом времени, было широко распространено убеждение в голодном заговоре⁶. Мои материалы свидетельствуют, что идея заговора существовала в общественном сознании уже в конце XVII века⁷. Кризис 1788-1789 годов тоже не был исключением⁸. Отчасти это убеждение было основано на реальных фактах продовольственных махинаций (создание запасов, которые придерживались до времени, массовые закупки с целью перепродажи и пр.), но лишь отчасти. Историки XIX века, обстоятельно изучившие, в какой мере эта легенда соответствовала действительности, доказали, что на самом деле никакого заговора не было, был лишь миф о заговоре⁹.

«Убеждение в голодном заговоре» было не единственным заговорщическим мифом общества Старого порядка. Специалисты по новой истории Франции давно заметили, что люди того времени были склонны объяснять многие сложные социальные явления заговором, подстрекательством извне. Такие объяснительные схемы были широко распространены в связи с «мучной войной» 1775 года, с волнениями весны 1789 года или событиями в Париже в середине июля того же года, присутствовали в интерпретациях многих других массовых выступлений. Они оставили столь значительный след в письменных источниках, что многие историки XIX века восприняли их как вполне достоверный факт, создав основу для дискуссии, которая до недавнего времени возникала почти в каждом исследовании по истории народных движений: заговор или спонтанная анархия. Так же, как в связи с легендой о «голодном заговоре», историки накопили массу документального материала, который показывает необоснованность версий о заговоре. Однако представляется важным понять, почему была столь живуча сама возможность такого объяснения. Имела ли идея заговора какое-либо значение в процессе возникновения и в ходе событий? Как она влияла на людей? Наконец, почему в обществе Старого порядка была столь живуча власть веры в заговоры и слухи?

Одним из первых на подобные вопросы попытался ответить С.Каплан, поставивший в центр своего исследования вопрос о том, почему вера в «голодный заговор» была настолько распространена, что стала долговременным компонентом коллективной памяти и менталитета.

Исследование С.Каплана и имеющиеся в моем распоряжении материалы показывают, что эта вера всякий раз проявлялась в условиях конъюнктурных трудностей, которые сопровождалась утратой чувства безопасности и аккумуляцией различных страхов. Основой продовольственных кризисов были жесткая структурная зависимость общества от производства зерновых (тирания хлеба); общее состояние хлебной торговли и транспортной системы; рост рыночных связей, болезненно разрушавший закрытый прежде мир производства продовольствия. Но не менее важное значение имел и характер мышления людей того времени. С.Каплан полагает, что «убеждение о голодном заговоре» - это «форма коллективной параноидальной способности к формированию и восприятию идей»¹⁰. Я думаю, что ее можно рассматривать как одно из проявлений коллективного воображаемого, свидетельствующее о том, что массовое сознание в закрытом обществе Старого порядка было мифологизировано.

Интенсификация слухов и ропота в периоды кризисов, по-видимому, связана с недостатком официальной информации: слухи в какой-то мере компенсировали этот недостаток. Но важнее была потребность людей разобраться в ситуации, объяснить происходящее в сфере хлебной торговли. Реальные факты махинаций, о которых в источниках и в литературе очень много свидетельств, делали эту идею правдоподобной. Но ее живучесть связана и с тем, что такая вера помогала людям определить свою позицию в вопросе первостепенной важности, помогала понять распределение ролей, заменив, по существу, веру в то, что голод - кара небесная.

Структурные черты убеждения в «голодном заговоре» в разные годы менялись мало. В основе была уверенность, что голод или недород созданы искусственно, что это «мнимый голод», вызванный не столько природными катаклизмами, сколько злым умыслом человека. В первую очередь, этот злой умысел ассоциировался с конкретными спекулянтами, торговцами, перекупщиками, которые в народном сознании были объединены в собирательный образ укрывателя зерна - аккапарер: именно они в ходе продовольственных волнений были основными мишенями прямого действия. В то же время в соучастии все определеннее подозревались министры, а в долговременной перспективе в орбиту организаторов заговора постепенно втягивалась и фигура короля. Вера в заговор не только помогала персонифицировать зло, но и служила оправданием для отказа умирать от голода «среди изобилия», была одним из способов легитимации бунтовщического поведения.

Есть основания полагать, что по мере усиления политики либерализации хлебной торговли увеличивалась результативность мифа. Продовольственная проблема политизировалась: легенда о голодном заговоре приучала людей связывать общую социально-экономическую ситуацию, ее динамику с деятельностью властей, правительства, короля и тем самым вовлекала их в политику. В низах росла уверенность в ответственности властей, в том числе местных, за сложное продовольственное положение, постепенно зрело убеждение в их неспособности справиться с продовольственными трудностями. Это проявлялось, в частности, и в некоторой трансформации форм народных продовольственных выступлений. Во второй половине XVIII века наряду с бунтами-препятствиями, все более широкое распространение получила «народная таксация», когда бунтовщики по сути дела заменяли власти, по своему осуществляя одновременно полицию хлебной торговли и правосудие.

Вера в голодный заговор не позволяет интерпретировать широкое распространение в обществе Старого порядка «бунтов-препятствий» и таксаторских движений лишь как ретроградных, направленных против свободы торговли и капиталистической трансформации экономики, как простое проявление привязанности низов к патерналистским ценностям Старого порядка. Ее живучесть - свидетельство сложившегося в низах общества убеждения о наличии безнравственности в экономике и политике хлебной торговли. Участников продовольственных волнений не устраивала даже не просто перестройка жизни (хлебной торговли) за их счет, но ее переустройство в пользу недобросовестного меньшинства, которое использовало новые отношения в эгоистических интересах. Эта вера существенно дополняет представление о «моральной экономике» протестующего простонародья, в основе которой было также понятие справедливой цены, широко распространенное в продовольственных движениях.

Рецидивно возникающая легенда о голодном заговоре была компонентом коллективной памяти, помимо прочего, играя роль своеобразного связующего звена в процессе передачи моральных ценностей. В то же время, приобщая простых людей к высокой политике, эта навязчивая идея содействовала десакрализации продовольственной проблемы и королевского статуса, и тем самым готовила почву для реализации двух важнейших условий ослабления политических, экономических и психологических структур Старого порядка¹².

Слухи о похищении детей, периодически будоражили большие города Франции (Париж, Лион, Тулон, Тулузу, Марсель) почти в течение столетия: с середины XVII до середины XVIII веков. В апреле 1663 года в столице распространились слухи, что стражники прямо на улице хватают мужчин и женщин, не особенно соблюдая юридические формальности для того, чтобы отправить их в Америку и другие французские колонии¹³. По свидетельству анонимного автора, некоторые жители столицы, взволнованные этими слухами, взяли за оружие и напали на стражников l'Hopital general. Последних «помяли», избили; один из них 17 апреля был убит. Парламент в специальном постановлении запретил, кому бы то ни было и под любым предлогом «покушаться на свободу подданных короля»¹⁴. В сентябре 1673 года такие слухи вновь взволновали население Парижа. Потребовалось специальное распоряжение полицейских властей города для того, чтобы их дезавуировать¹⁵. Неоднократно они будоражили столицу и в XVIII веке. Королевский прокурор М.Робер писал генеральному контролеру 13 июля 1701 года: «В Париже уже в течение одного или двух дней распространяется бесцеремонный и нелепый слух о том, что похищают детей: чернь, всегда готовая верить в подобные новости, не только в этом убеждена, но воображает, что детей убивают для того, чтобы из их крови приготовить ванну для какой-то высокопоставленной персоны; об этом говорят публично на всех углах. Эти видения и аффекты народной ярости не новы, я их наблюдаю с тех пор, как стал королевским прокурором; иногда они приобретают такие крайние формы, что в разных кварталах Парижа были почти до смерти забиты женщины; их готовы были бросить в реку или водосток за то, что они якобы похищают детей». В первые месяцы 1750 года в столице распространились слухи, что полиция под предлогом исполнения законов против нищих забирает детей «из бедного класса, чтобы получить кровь для специальных ванн, которые, как говорили, нужны для восстановления здоровья короля»¹⁶. Таким образом, обвинения, направленные вначале против бродяг, цыганок и стражей порядка, касались непосредственно короны. На фоне усиливающегося произвола стражников в Париже и окрестностях весной 1750 года, как и в 1720 года, активизация таких слухов стала одновременно поводом и важным, легитимирующим протест аргументом для открытых народных выступлений¹⁷. Насколько эти слухи соответствовали действительности? Свидетельства судебных и властей по этому поводу противоречивы, но историки, используя разные источники, показали, что в конкретных ситуациях, как правило, стражи порядка злоупотребляли своими полномочиями, что и создавало основания для открытого протеста. Но почему эти слухи были так устойчивы?

По-видимому, они были связаны в первую очередь с политикой «очищения» крупных городов от нищих и бродяг. Нищенство, как известно, было бичом французского общества Старого порядка. Начиная со второй половины XVII века, абсолютистская администрация активизировала борьбу с этим злом. Разумеется, с бродяжничеством власти боролись и раньше, но проблема не только не решалась, но все более усложнялась общими тенденциями социально-экономического и демографического порядка.

Целью политики «очищения» была не столько ликвидация нищенства, сколько активное использование работоспособных нищих на галерах, в армии и флоте. Эти люди должны были также помочь администрации решить вопрос с заселением французских колоний в Америке. В сентябре 1666 года специальное постановление Королевского совета предписывало всем нищим и бродягам покинуть королевство. Фиксируя большое количество нищих, этот ордонанс обязывал Прево жандармерии и всех судейских вылавливать нищих и бродяг, заковывать в цепи и отправлять на галеры¹⁸.

Вскоре изобретено было новое средство - богадельня. Первое такое заведение было открыто в Париже в 1656 году. В 1724 году их было уже 154 во всем королевстве¹⁹. Власти неоднократно принимали специальные декларации, в которых оговаривался порядок социального контроля над нищенством и способы борьбы с ним. Назовем даты важнейших королевских деклараций - 28 августа 1686 года, 10 февраля 1699 года, 25 июля 1700 года, 27 августа 1701 года, 18 июля 1724 года, 20 октября 1750 года²⁰. Помимо этих деклараций было много специальных постановлений парламентов²¹ и других учреждений. Все эти бумаги были плохо согласованы друг с другом. Многочисленные инструкции для полицейских, дополняющие их, не только не вносили ясность, но еще более усугубляли эти противоречия. Все это создавало условия, позволяющие превотальным* жандармам и стражникам злоупотреблять своими полномочиями.

Свою борьбу с нищими и бедностью вообще абсолютистская администрация аргументировала необходимостью сохранения безопасности подданных и их имущества, поскольку нищие и бродяги не всегда были безобидны. В XVIII веке возникла даже особая форма их борьбы за существование - агрессивное или угрожающее нищенство. Вооруженные группы нищих по 5-10 человек ходили по деревням и принуждали фермеров и зажиточных крестьян давать им продовольствие, одежду, деньги. Обычно им не отказывали, опасаясь поджогов²². Широко распространенное, временами, перерастающее в разбой, агрессивное нищенство было одним из источников социального страха в среде имущих, кульминацией которого в XVIII веке был Великий страх лета 1789 года. В этой связи борьба, которую вело с миром бедности государство, была отчасти оправдана. С цивилизационной точки зрения ее можно рассматривать как одну из составных частей политики внедрения в общественное сознание труда как универсальной общественной ценности. В то же время законодательство против нищенства и практические приемы борьбы с ним, принимая иногда характер охоты на людей, ставили простого человека в положение раба, были ярким проявлением его вопиющего бесправия. Иными словами, устойчивые слухи о похищении детей, прежде всего, обнажали «варварство» общества Старого порядка, были свидетельством несовершенства установленной в нем системы человеческих отношений, где неприкосновенность личности принципиально отрицалась абсолютной властью монарха над душой и телом подданного. То обстоятельство, что такие слухи порождались и реальными злоупотреблениями полицейских чиновников, ничего не меняет. А попытки властей наказывать и порой довольно жестоко отдельных стражей порядка за то, что они превысили свои полномочия, выглядят не более чем паллиатив.

Народные восстания в Париже 1720 и 1750 годов были не только протестом против злоупотреблений полицейских, но и борьбой за право человека распоряжаться самим собой. Более того, как показали современные исследователи парижского восстания 1750 года, бунтовщики своими действиями добивались соблюдения установленных законом юридических процедур лишения личности свободы²³.

Примечательно, что слухи о похищении людей стали частью коллективной памяти как раз в тот период, когда под влиянием новой государственной политики по отношению к нищенству в массовом сознании медленно и болезненно происходила ломка стереотипа восприятия бедного человека²⁴. Рецидивный характер этих слухов, как и связанный с ними открытый протест, были проявлением негативной реакции простолюдинов на этот процесс. В то же время сам факт формирования такого коллективного воображаемого свидетельствовал о поиске новой позиции, новой стратегии в низах по этому вопросу. Любопытно, что с конца 60-х годов такие слухи больше не появлялись. Отчасти это связано с некоторыми изменениями в подходе властей к этой проблеме. Наряду с репрессиями они стали активнее искать более гибкие решения. Началась организация благотворительных работ, что в какой-то мере говорит о признании государством своей ответственности за судьбы обездоленных. Наиболее

дальновидные администраторы, такие, как Тюрго, Сен-При, Сенак де Мельян и другие, отчетливо осознавали неоднородность социального состава нищенства и искали особые меры для каждой категории²⁵. Кроме того, к этому времени перемены произошли и в общественном мнении: нищего, как и безумного, перестали воспринимать как блаженного, он стал скорее фигурой одиозной и опасной. Впрочем, в простонародье этот процесс не был доведен до логического конца: сочувствие к нищим продолжало жить рядом со страхом перед ними. В повседневной жизни это сочувствие проявлялось в разных формах, в том числе и в стычках с полицейскими, которые пытались арестовать какого-нибудь бродягу²⁶.

Коллективное сознание активно реагировало и на фискальную политику государства. Сегодня хорошо известно, что централизованный налог является более цивилизованным средством государственного принуждения, чем разного рода натуральные выплаты и повинности, подобные поставкам тяглого скота и телег для экипировки воинских частей, или принудительное участие в ремонтных работах на дорогах. Однако для того, чтобы это обстоятельство было осознано и принято массой населения, потребовалось очень много времени. Главные пороки французской фискальной системы Старого порядка - чрезвычайно большое количество налогов, отсутствие единой системы налогообложения в разных частях страны, огромная армия сборщиков, ярко выраженное социальное неравенство в обложении в условиях низкого жизненного уровня основной массы податного населения делали эту систему ненавистной. Тем более, что она постоянно совершенствовалась: государству хронически не хватало средств и их искали в первую очередь в фискальной сфере. Все это помогает понять широко распространенный в обществе Старого порядка антифискализм²⁷. Причем противодействие налоговой системе оказывали не только структурные низы, но и все другие слои населения, в том числе привилегированные. В тех случаях, когда государство пыталось ввести межсословные налоги, оно неизменно встречало сопротивление дворянства. Так было и начале XVIII века, когда в разных провинциях дворяне отказывались платить вновь вводимые капитацию и королевскую десятину, в середине века и накануне революции. Ярким проявлением этого антифискализма была также широко распространенная в обществе того времени контрабанда, в которой принимали участие люди из всех слоев населения, в том числе из привилегированных сословий.

Наряду с контрабандой и уклонением от налогов не был редкостью и открытый протест²⁸. При этом он не всегда был связан с «объективной» тяжестью того или иного налога. Существенное значение имели и те идеи-образы, которые интенсивно моделировало в связи с фиском коллективное сознание. Многие из этих образов не имели ничего общего с реальностью, но парадоксальным образом способны были влиять на коллективное поведение. Нередко антифискальные идеи зарождались и функционировали как слухи, но их рецидивный характер и обусловленность однотипными обстоятельствами позволяет рассматривать их как устойчивые мифы.

В XVII веке большое место в системе таких образов занимали габель и габелеры. Любая попытка правительства ввести налог на соль вызывала отчаянное сопротивление (восстания «ангелочков» в Валеспир, восстание Одижо и др.). И дело не только в том, что этот налог на предмет первой необходимости был весьма болезненным для хрупкого хозяйства провинциалов. История открытого протеста свидетельствует, что в коллективном сознании слова «габель» и «габелеры» ассоциировались с более широким набором явлений, чем налог на соль. Введение этого налога воспринималось как покушение на провинциальные привилегии, как насилие над правами, освященными традицией и волей королей. Вот почему введение любого нового налога часто сопровождалось слухами о введении габели, а в ходе открытого протеста не были редкостью угрозы в адрес габелеров, хотя их и близко не было. Крики «На габелеров! На вымогателей!» нередко сопровождали прямое действие, направленное не только против надсмотрщиков габели, но и против сборщиков эда, полицейских, судебных исполнителей²⁹. Можно сказать, что в XVII веке слово «габелер» стало собирательным понятием для обозначения «козла отпущения» в ходе прямого действия. Всякий вызывающий подозрение быстро обогатившийся новый обитатель квартала, коммуны или местечка мог восприниматься как габелер. В XVIII веке это собирательное понятие будет заменено другим - «акапарер» (спекулянт, укрыватель зерна).

В обстановке, когда, по выражению одного интенданта, «всякая птица, появившаяся в воздухе, предвещает увеличение налогов», мифы, связанные с фиском, создавались непрерывно. Сенак де Мельян одним из первых отметил, что «решающее воздействие на поведение людей оказывает страх и надежда». Позже эта мысль была неоднократно обоснована философами, социологами и историками, в том числе специалистами по истории французского Старого порядка и революции.

Антифискальную мифологию, несомненно, питала вера в доброго короля и надежда на отмену или смягчение налогов. Слухи об отмене налогов возникали на протяжении всего последнего периода Старого порядка. Их можно считать столь же устойчивыми, как и рассмотренную выше легенду о голодном заговоре. Чаще всего эти слухи были связаны с важными для страны событиями: болезнь короля, рождение дофина, заключение мира, созыв Генеральных штатов. В 1714 году интендант Берри, сообщая, что сбор налогов и особенно старых долгов в провинции сопряжен со значительными трудностями, отмечал крайнюю нищету податного населения. В то же время он подчеркивал, что слишком велика строптивость жителей, которая тоже влияет: «... народ вбил себе в голову, что в связи с заключением мира он не будет платить старые долги». Попытки взыскивать эти долги силой порождали открытый протест³⁰. В сентябре 1715 года интендант Гиени М. де Курсом был вынужден отложить запланированную ранее поездку в Лангедок в связи с чрезвычайно напряженной обстановкой в провинции. «Народ вообразил, - писал он, - что взимание налогов прекращено, и если нечего опасаться со стороны дворянства и буржуазии, то малейшего предлога будет достаточно, чтобы привести движение чернь в Бордо и окрестностях и в результате все генеральство. Прибытие войск (в Бордо) из Шато-Тромпет оказало хорошее воздействие. Но как только стало известно о состоянии здоровья короля, сбор налогов в городе стал невозможен, поскольку каждый отвечает, что он и так уже много заплатил, и что король в завещании приказал, чтобы больше ничего не требовали от его подданных»³¹. Низы жили надеждой на перемены, и использовали любой предлог, чтобы хотя бы в воображении их приблизить. За уверенность в отмене налогов новым королем прочитывается прочное влияние персонифицированной системы властных отношений в обществе Старого порядка (король - подданные, сеньор - вассалы и т.д.). Фиск, налог в коллективном сознании связывался не с абстрактным государством, а с персоной короля, его смена предполагала обновление. В надежде на отмену налогов по случаю мира просматривается некоторый оправдательный момент для жесткой фискальной политики: трудные обстоятельства войны вынудили доброго короля увеличить поборы, а с заключением мира они тоже должны быть прекращены. Такие ситуации обнаруживают не только утопизм, но и страстную надежду простого человека на перемены к лучшему, его оптимизм.

Слухи порождал и вечный страх перед новыми налогами, в том числе воображаемыми. Самым распространенным воображаемым налогом в XVII веке был налог «на рождение». Он представлялся не только неоправданным, но и кощунственным. Этот воображаемый налог вызвал восстание в Нижнем Виваре в 1670 году, бунты в Байоне 1706 и 1709 годов. Он был одним из мотивов большого крестьянского восстания в Керси в 1707 году.

Воображаемый налог помогал людям обосновать свой протест: защита естественных природных прав рожать, жениться умирать в соответствии с традиционным ритуалом представлялась достаточным основанием для восстания. Разумеется, у каждого из этих восстаний была реальная основа для протеста (неблагоприятная конъюнктура, связанное с ней обострение нищеты и пр.). Не случайно мифы о налогах «на рождение» бытовали в самое трудное для страны время - на рубеже веков. Некоторые специалисты полагают, что эти слухи были и своеобразной народной реакцией на подготовку и введение нового подушного налога-капитации.

Протестующая толпа в процессе самоидентификации настойчиво искала, живо адаптировала и создавала различные идеи-образы, используя их в своих интересах. Роль коллективного воображаемого в формировании настроений неповиновения, отказов и надежд была реальной и действенной. В чередующихся кризисах Старого порядка явно ощущается активное сопротивление этому воображаемому всякой инновации. Однако было ли это только отрицание, порожденное верой в «обольстительную химеру Золотого века»? Конечно, во все времена люди склонны идеализировать прошлое. Особенно когда возможности настоящего предельно сужены и обеднены сонмом неблагоприятных факторов. Тем не менее, история открытого протеста во Франции Старого порядка показывает, что отношение простолюдинов к изменению всегда имело морально-этическую окраску, поэтому вряд ли верно рассматривать это отношение в линейной шкале. Кроме того, специалисты убедительно показали, что чистое отрицание никогда не было свойственно народной культуре, что «амбивалентность - ее родовая, сущностная черта, с которой связана признаваемая всеми неистребимая мощь и плодотворность народного тела» (М.М. Бахтин).

Примечания

1. См., например: Kondratieva T. Bolcheviks et jacobins: itineraire des analogies. - P., 1989. (рус. пер. Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. - М., 1993.); Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. - М., 2001 (англ. вариант 1991 год).
2. Waczk B. Les imaginaires sociaux. Memoire et espoire collective. - P., 1984. - P.32.
3. Idem. - P.34.
4. Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. - Новосибирск, 1996.
5. Механизм трансформации слухов в ропот, охватывающий толпы людей многократно описан в современной социологической литературе. См., например: Vaucharp J. La puissance des foules. - P., 1985. - Ch.V.
6. Kaplan S.I.. The Famine Plot Persuasion in Eighteenth Century France. - Philadelphia, 1982.
7. «Почти все убеждены, что зерно есть, что оно придерживается, что существует своего рода заговор по этому поводу», - писал один из интендантов в конце 1693 года. . Derpping. Т.П. P.669.-2.12.1693.
8. 18 марта 1789 года, констатируя брожение в народе, генеральный прокурор писал министру: «Его (народ) убедили, что дворянство и духовенство захватило зерно и закрыло свои склады, чтобы добиться повышения цен. Это настоящая клевета. Вот уже месяц, как она распространилась. Несмотря на все розыски, которые я предпринял, не удалось раскрыть ее авторов. Мне кажется, что клевета - следствие восстания третьего сословия против двух других». Цит. по: Egret G. Le parlement de Dauphine et les affaire publiques dans la deuxieme moitié du XVIII siecle. - Grenoble, 1942. - Т.I. - P.347.
9. См.. например: Bord G. Le Pactde Famine. Histoire-Legende. - P., 1887.
10. Kaplan S.L. Op. cit. - P.68.
11. См. подробнее: Чеканцева З.А. Указ. соч. - Гл. 1.
12. Kaplan S.L. Op. cit.
13. BN mss.fr. 16774. F.263. Arret de la Gourde Parlement du 18 avril 1663.
14. BN mss. Joly de Fleury. 1102. F.I 17, 118.
15. BN mss. fr. 21707 R 63630. Ordonnance de Police du 3 sept. 1673.
16. Peuchet J. Memoires tirees des archives de la police de Paris. - P., 1838. - Т.Н. - P. 127.
17. Barbier E. Journal d'un bourgeois de Paris sous le regne de Louis XV. - P., 1847-1856. - Г.4 - P.422-438; La France au milieu du XVIII siecle (1745-1757) d'apres le journal de M d'Argenson. Extraits publ. par A. Brettes. - P., 1880. - P.98-101; Herlaut A. P. Les enlevemens. d'enfants a Paris en 1720 et en 1750 //RH. - 1922. - Т. 139. - P.43-61,202-223; Nicolas J. La rumeur de Paris: repts d'enfants en 1750//L'Histoire. - 1981. - №40. - P.48-57; Fargc A., Revel J. Logique de la foule. L'affaire des enlevements d'enfants. - P., 1988.
18. BNmss.fr. 16744. Ordonnances, declarations etarretssur la police. F.213.
19. BN mss. Joly de Fleury. 1308. Mendians. 1750-1751.
20. BN mss. Joly de Fleury. 1307. Mendians. 1724-1741. F.8-13. Memoire sur les mendians, vagabonda et gens sans aveu.; 1308. F.51. Declaration du Roi, concernant les mendians. Le 20 octobre 1750.
21. См., напр.: BN mss. Joly de Fleury. 1307. Mendians 1724-1741. F.I 13, 116, 129 et suiv.
22. См. подробнее Чеканцева З. А. Указ. соч. -С. 136-137.
23. Farge A., Revel J. Op. cit.
24. Как показал М. Фуко, это был общеевропейский процесс. Foucault M. Histoire de la fola a l'age classique. - P., 1961.
25. См., напр.: Molis R. De la mendicite en Languedoc. 1775-1783 // RHES. - 1974. - № 4.
26. Только в Дижоне в дореволюционном XVIII веке выявлено 59 случаев небольших волнений в связи с арестом нищих. Camot B. Le peuple au siecle des Lumieres. - P., 1990. - P. 190. В Париже в период с 1711 по 1766 год произошло 63 бунта, направленных против стражников.
27. И.М. Берсе на основе нарративных источников, относящихся ко времени Фронды, показал наличие в обществе XVII века своего рода антифискальной идеологии, точнее - антифискальной мифологии. Berse Y.M. Histoire des croquants. - P., 1986. - Ch.V.
28. См. Чеканцева З. А. Указ. соч. - Гл.2.
29. Там же. - С. 140.
30. M. Foullede. Mastangie, intendant en Bourg au c. g., le 10 decembre 1714//CCG. Till. P.564.
31. M. de Courson, intendant a Bordeaux au e.g.. le 7 septembre 1715 //CCG. -T.III. - P.598.

* От названия муниципальной должности - «прево». - прим.редакторов *Vive Liberta*